

Нужно отметить, что население с доверием относилось к этим денежным знакам, широко ходившим по югу России до 1920 г., когда в Одесский музей и попали три купюры достоинством в 25 (Е-0044, Е-0035, Ъ-0177) и одна — в 10 рублей (I-8031).

Е. А. ЯРОВАЯ
*Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург, Россия)*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРАЛЬДИКИ ГЕНУЭЗСКОГО КРЫМА

В нынешнем году коллеги по изучению истории генуэзского Крыма, в том числе и в геральдическом ключе — отмечают своеобразный юбилей нашего научного направления. Точкой отсчета для него следовало бы считать труд генуэзского аббата Гаспаре Луиджи Одерико — то самое описание генуэзских памятников Крыма, которое прелат в виде манускрипта преподнес Екатерине II во время посещения ею Каффы. Это сочинение, среди прочего, содержало и геральдический материал: средневековые надписи и гербы на местных строительных плитах. Презентация труда Одерико состоялась 28 мая 1787 г., а несколько позже труд аббата был отпечатан в Италии. Это самый первый взгляд ученого европейца на тот материал, который открылся России и Европе с покорением Крыма. Он напоминал, что эти земли, хотя и провели триста лет под знаком полумесяца, еще раньше относились к ареалу христианской культуры, куда в итоге и вернулись.

Таким образом, истории изучения геральдики генуэзского Крыма исполнилось 225 лет. Каков же путь, пройденный исследователями за эти годы, куда двигаться дальше в изучении геральдической практики и собственно геральдических артефактов Крыма XIV–XV вв.?

Начальный этап гербоведения средневекового Крыма, хронологически занимающий всю первую половину XIX в. — это накопление эмпирического материала в работах, посвященных описанию крымских древностей.

Работы Л. Вакселя, П. С. Палласа, П. И. Кеппена, Н. Н. Мурзакевича, Ф. Дюбуа де Монпере не только позволили лучше узнать и понять проблему, но и зафиксировали памятники, до наших дней не дожившие.

Признаком готовности школы к выходу на новый уровень стали работы В. Н. Юргевича (1818–1898) в сборниках ЗООИД, которые сопровождалась уже не набросками памятников, а их достоверной передачей в технике литографии, а также расшифровкой имен и надписей. В. Н. Юргевич, кроме того, впервые связал воедино две группы памятников, несущих изображения генуэзских символов: строительные плиты с одной стороны, и генуэско-татарский нумизматический материал с другой. В дальнейшем тему продолжил О. Ф. Ретовский.

Но подлинный перелом в исследованиях генуэзских памятников Крыма произошёл в 1920-х годах, когда потребовали академической интерпретации результаты экспедиций ГАИМК в Судаке.

Основоположников современного подхода к изучению было двое. Первое место, бесспорно, принадлежит Е. Ч. Скржинской — выдающемуся историку-медиевисту, специалисту по латинской эпиграфике. Созданный ею и вышедший в Генуе на французском языке в 1928 г. корпус латинских надписей Кафы, Судака и Балаклавы не утратил научной ценности и до сих пор востребован в исследованиях по фортификации, орнаментике, геральдике, эпиграфике средневекового Крыма. Лишь в 2006 г. была осуществлена публикация второй части корпуса с авторскими добавлениями, собраны воедино все материалы Е. Ч. Скржинской, относящиеся к истории крепости в Судаке. Издание рукописных материалов, не вошедших в корпус и хранящихся в архиве СПб ИРИ РАН (хранитель и публикатор Л. Г. Климанов) приоткрывает творческую «кухню» исследовательницы. С их помощью мы получаем представление о том, как она работала над идентификацией тех или иных гербов, какими материалами при этом пользовалась, с кем могла консультироваться по вопросам геральдики. Так, выясняется, что для определений гербов Елена Чеславовна использовала общеитальянский гербовник Дж. Кроллаланца (видимо, из личной библиотеки), изданный в 1898 г.

Параллельно с Е. Ч. Скржинской к определению гербов на Судакских плитах обратился известный геральдист В. К. Лукомский (1882–1946) по просьбе участника экспедиции ГАИМК, художника-графика Н. Ф. Лапина. Последним на экспертизу в Гербовый музей были присланы кальки с прорисовками десяти плит с 16 различными гербами. Ход работы ученого отражен в сохранившихся материалах его рукописного фонда в РГИА. Все 16 гербов были сведены им в таблицу. Не имея доступа к локальным генуэзским стеммариям и пользуясь только общими гербовниками И. Зибмахера (Nurnberg, 1772), Ж-Б Ритштапа (Gouda, 1861) и М. Джиннани (Venezia, 1756), Лукомский идентифицировал половину искомых гербов.

Своеобразие ситуации со Е. Ч. Скржинской и В. К. Лукомским заключалось в том, что два крупнейший в своей области авторитета пытались рассмотреть проблему каждый со своей стороны. Если Е. Ч. Скржинская действовала во всеоружии как историк и итальянист, но не имела глубоких специальных знаний по геральдике, то на стороне В. К. Лукомского было знание геральдических правил, владение инструментарием и терминологией этой дисциплины, доступ к гербовникам, наконец, многолетний опыт подобной работы. Для него герб в данном случае был предметом экспертизы, а не историческим источником, и он решал проблему с генуэзскими гербами как любую другую проблему геральдической интерпретации, будучи при этом далек от понимания реалий генуэзских факторий в Крыму.

Увы, в дальнейшем для проведения больших комплексных исследований генуэзской геральдики в Крыму долгое время не было объективных условий — как из-за двусмысленного положения геральдики в советской науке, так и из-за слож-

ностей информационного обмена с европейскими коллегами, труднодоступности итальянских архивов и геральдических источников.

Но при этом постепенно расширялся круг выявленных памятников. Если в корпусе Е. Ч. Скржинской собраны данные о 55 памятных плитах, из которых 39 с геральдическими изображениями, то уже к концу XX в. можно говорить о 80 подобных артефактах. Раскопки, в том числе и силами Государственного Эрмитажа — а это Старокрымская экспедиция М. Г. Крамаровского, Южно-Крымская в Чембало С. Б. Адаксиной — продолжаются и сейчас. В орбиту исследований включены не только вновь найденные строительные плиты, но и предметы прикладного искусства латинской традиции, несущие гербы генуэзского нобилитета, в том числе предметы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже.

К геральдической тематике обращались в разное время такие исследователи как Е. А. Айбабина, Н. А. Алексеенко, И. А. Баранов, А. В. Джанов, А. Г. Еманов, Л. Г. Климанов, М. Г. Крамаровский, В. Л. Мыц, предлагая свои трактовки и интерпретации геральдических композиций. В помощь геральдистам созданы базы генуэзских официалов Крыма, проработаны и изданы — в частности, А. Л. Пономаревым и кругом исследователей под эгидой С. П. Карпова — поименные списки жителей факторий на основе сохранившихся в Секретном Архиве Генуи копий казначейских книг. Уточнено местонахождение многих геральдических памятников. На протяжении последних 13 лет тема геральдики генуэзского Крыма стала магистральной и для меня. Свою задачу как исследователь я видела в том, чтобы объединить «подход Скржинской» и «подход Лукомского» и добиться той комплексности в описании явления, для которой сейчас возможностей, несомненно, гораздо больше, чем в 1920-х годах.

Разумеется, тема крымской геральдики еще очень далека от того, чтобы быть исчерпанной. Перед исследователями стоит масса проблем, нуждающихся в прояснении — как общего порядка, так и более предметных. Ждут своей идентификации предметы прикладного искусства из раскопок в Чембало. Не поставлена точка в вопросе о том, что считать гербом Кафы — джучидскую тамгу с полумесяцем, генуэзский крест, высеченные на каменных плитах, или изображение генуэзского портала, размещенного на генуэзско-татарских выпусках Кафинского монетного двора. Видится перспективным рассмотреть камень геральдических плит с геологической точки зрения — например, провести сравнительный анализ состава плит Судакской крепости с составом крымского и генуэзского известняков, чтобы уточнить происхождение ряда памятников. Остается актуальным выделение из письменных источников данных о генуэзской администрации Крыма и сравнение этих данных с надписями на геральдических плитах и на монетах. Также не закончена работа по дешифровке латинских инициалов консулов Кафы, размещенных на латинской стороне генуэзско-татарских аспров, что помогло бы уточнить датировки этой группы монет. Не получила освещения тема геральдики генуэзских наместников Кафы. Расшифровка легенды на портале Судакской капеллы даст возможность определить, кому принадлежал герб в виде головы льва.

Делаются первые шаги в разработке новой и очень перспективной для изучения темы «символика монашеских орденов в сфрагистических памятниках Крыма».

Таким образом, предстоит большая и серьезная работа даже по тем материалам, которые уже введены в научный оборот. Но, конечно, она будет еще более насыщенная и продуктивнее, если в распоряжении исследователей, благодаря коллегам археологам, появится как можно больше новых памятников.

